

не было прикрепления к земле, что парики могли жить и вне владений монастыря или светского феодала, лишь бы они платили установленные с них подати, чтобы монастырь не лишался своего дохода.¹⁹ И тут же приводит хрисовула 1244 г., по которому предписывалось разыскать бежавших париков и водворить их на покинутых ими участках, к которым они были до этого прикреплены. Целью этого указа, по мнению Б. А. Панченко, было добиться единственно того, чтобы монастырь не лишился своего дохода. Однако место из документа о розыске париков, которое цитирует Б. А. Панченко,²⁰ не дает оснований для подобного вывода. Речь идет не только о сборе налогов. В заключительной части этого *όρισμός* ясно говорится о том, что „моя царственность желает, чтобы этот монастырь не лишался своих париков, но чтобы они были ему возвращены теми, у кого они находятся сейчас, по предъявлению этого повеления моей царственности“ (*θέλημα γὰρ ἔχει ἡ βασιλεία μου μὴ στέρηθῆναι τὴν τοιαύτην μονὴν ἐνὸς τῶν τοιοῦτων παροίκων αὐτῆς, ἀλλ' ἀπολυθῆναι τοὺς αὐτῆ παρὰ τῶν κατεχόντων τῇ ἐμφανείᾳ τοῦ παρόντος ὀρισμοῦ τῆς βασιλείας μου*).²¹ Речь идет, следовательно, не только о налоговом тягле в пользу монастыря-феодала, а о восстановлении личной зависимости париков, покинувших его владения.

Занимаясь изучением положения византийского крестьянства, Б. А. Панченко не мог пройти мимо актов Меникейского монастыря. Мы видели, что многие документы трактовались им неправильно, вследствие чего он приходил к ошибочным выводам о наследственной земельной собственности византийского крестьянства. Здесь же, давая общую оценку актам Меникейского монастыря, Б. А. Панченко сам вынужден признать, что „представляемый ими обильный материал дает выводы, в большинстве отрицательные для нашей задачи... мы наблюдаем в этих актах исключительное господство... крупного землевладения и зависимого крестьянства“. И далее он пишет, что меникейские акты „обнаруживают полное господство крепостного права. Крестьян не только приписывают к территории, упоминая их в числе угодий вотчины, но и отчуждают их с землей, повидимому, свободно“.²² Этот вывод, уничтожающий основные положения, выставленные Б. А. Панченко, объясняется тем, что среди меникейских документов имеется большое количество актов, относящихся к XIV в. Если бы Б. А. Панченко во всех других разделах своей работы обратил особое внимание на акты позднего времени, выделил бы их в особый период и поставил бы перед собой задачу проследить эволюцию крестьянского землевладения и форм феодальной зависимости в Византии, то он, может быть, пришел бы к единственно правильному заключению о том, что сказанное им об актах Меникейского монастыря можно расширить, распространить на все монастыри и светские владения позднего времени и, с некоторыми изменениями и поправками, справедливо считать общей линией развития в период средне-византийского феодализма.

Но акты Меникейского монастыря могут дать нам значительно больше, чем извлек из них Б. А. Панченко. Прежде всего необходимо отметить целый ряд простагм относительно участка Моноспити, который принадлежал стратиоту Никифору Мартину и был пожалован Меникейскому монастырю Андроником Старшим в 1297 г.²³ Упоминание об этом же

¹⁹ Там же, стр. 106.

²⁰ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 262.

²¹ Ibid.

²² Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 193—195.

²³ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 88—89.